

Павлова
Марфа
Павловна

ЛЮДИ РЕДКИХ ПРОФЕССИЙ

«Прославляю актерство—парик, декорацию, грим...»
Евгений Винокуров.

РЕЖИССЕРЫ приходят и уходят. Артисты появляются в труппе и исчезают. А Марфа Павловна остается. К этому, кажется, все уже привыкли. Некоторых актерская судьба снова приводит на подмостки Самаркандского драматического. И они не удивляются, снова увидев Марфу Павловну в ее маленькой мастерской в двух шагах от сцены...

РЕДЕЮТ ряды старых завязятых самаркандских театралов. Все реже мелькают в партере их седины. Спросите у них: «Помните ли Анну Каренину—Нины Ивановны Мартыновой или, скажем, Матвея Робертовича Любанского в роли Сирано де Бержерака или, наконец, Веру Саввичну Веровскую—в Филумене Мартурано?». Они с укоризной посмотрят на вас. Помолчат. И потом, сдерживая волнение, начнут рассказывать.

После каждой премьеры—букеты цветов. Но там, за кулисами, артисты оставляли эти цветы в маленькой мастерской.

В восторжении приводили артистов мастерство театрального парикмахера М. П. Павловой и ее помощников.

В эти дни исполняется 35 лет, как она преданно служит театру.

ЖИЛА она в деревне Федоровка, на Орловщине, в сорока километрах от железной дороги. Долгими зимними вечерами родители—простые крестьяне—учили Марфиньку ткать. Много лет спустя ей пришлось допоздна засиживаться за кардой (есть у театральных парикмахеров такая щетка из стальных игл для расчесывания искусственного волоса). И руки, наученные долгой и проворной работе, никогда не подводили.

Когда исполнилось семнадцать и позади осталась школа-семилетка, Марфинька с подружкой подалась в город. По ноябрьскому насту добрались на телеге до станции. Потом паровоз не спешил дотянул вагоны до Мариуполя (нынешнего Жданова). Здесь все пути вели к металлургическому гиганту—к «Азовстали». Но для работы в его цехах по другим годам не вышли.

И вот тогда милиционер,

добровольно взявший на себя опеку о девчатах, привел их к тете Дусе. Жила она с семьей в маленькой хатенке. И новых «квартирантов» согласилась приютить скрепя сердце. Это была первая удача. А за ней пришла вторая: тетя Дуся работала уборщицей в театре. Здесь же начали трудиться и подружки из Федоровки...

—Я убирала сцену и закулисную часть,—рассказывает Марфа Павловна.—Относились ко мне все по-доброму. А я не могла спокойно ходить меж декораций, не могла толком разобрать, о чем меня просят какой-нибудь Милон из фонвизинского «Недоросля», загримированный, в пышном белом парике и в мундире с блестящими пуговицами. Театр я видела впервые.

Особенно волновалась она

мостоятельную работу—делать... бородавки и ресницы. Терпеливо училась мазать усы, бороды.

Потом был экзамен. Представительная комиссия во главе со строгим Тихолазом оценила сделанный ею парик на «отлично». Особенно им понравился «характер» парика, который она сама выбирала.

До войны она успела еще поработать в Ворошиловградской драме. Здесь ее впервые стали именовать театральным парикмахером.

БЫЛ у меня знакомый хирург. Он делал ювелирные по своей сложности операции на ухе. Он признавался мне: «Если мне ассистирует постоянная помощница—очень пожилая медсестра—я всегда уверен в удачном исходе операции.

испытала тот необъяснимый трепет и волнение, которые посещают артиста перед самым выходом на сцену. Может быть, роли горничных, придворных дам, военных медсестер, сыгранные Павловой, остались незамеченными для зрителя. Но для нее эта работа много значит. Чаще всего она просто выручает театр. Как принято говорить, срочно вводится на роль.

—В прошлом сезоне, например,—говорит Марфа Павловна,—был такой случай. Идет спектакль «Дело, которому служишь» по Ю. Гермину. В середине второй картины в театре узнают, что у актрисы, играющей небольшой эпизод в последнем акте—сердечный приступ. И вот пришлось играть мне...

28 ЛЕТ заведует Павлова парикмахерским цехом в нашем театре. Русская и западноевропейская драматургическая классика. Пьесы советских авторов. Их страницы «оживают» на сцене и с ее незаметной для зрителя помощью.

На видном месте в доме Павловой—фотография: народный артист республики Н. Д. Балаев в роли В. И. Ленина. На обороте снимка красноречивая надпись: «Моя дорогая Марфинька! Низкий русский мой поклон за все, что ты сделала для создания образа нашего любимого Владимира Ильича. Н. Балаев».

—Если бы возникла мысль показать выставку ваших работ, что бы вы захотели представить?

—К сожалению, сделать это было бы очень нелегко. В театре невозможно оставить «на память» портретные гримы. Незабываема работа над гримами для многих образов, созданных артистами на подмостках нашего театра. Это, например, образы Дзержинского, Блюхера, Тухачевского, Карбышева. Но самая памятная работа—над образом Владимира Ильича Ленина в «Семье» по пьесе И. Попова.

Ее жизнь в искусстве продолжается. Начинает Марфа Павловна готовить очередной спектакль одной из первых. Покидает стены театра последней. Когда погашены огни рампы. Когда сложены в дубленную коробку «отработавшие» свое парики.

Режиссеры приходят и уходят. Появляются в труппе актеры и исчезают. А Марфа Павловна остается. И артисты ей дарят цветы...

С. АЛТУНЯНЦ.

Есть мастерская
возле сцены...

под строгим взглядом Тихолаза—заведующего парикмахерским цехом. Он всегда придирчиво оценивал работу Марфиньки. Замечаний у Тихолаза не было. Однако хозяин гримерной неизменно повторял: «Стремись, стремись...». К чему?—недоумевала она.

Пришла весна. И жизнь ее круто изменилась. Праздничным днем восьмого марта премировали Марфиньку отрезом шелка на платье. А потом объявили, что переводят на художественную работу... к Тихолазу. Так и сказали: «на художественную».

—Опекала меня одна билетерша. Боевая такая женщина. Во всех делах—первая. И вот никак она не могла смириться с тем, что я, грамотная девушка, и — на подсобной работе. Предлагала другую—почище, последнее.

—Не знаю, как это случилось, но я уже не могла жить вне театра, — помолчав, тихо провозносит Павлова.—Мне казалось, что если уйду—останусь без сердца.

«Бесприданница» А. Н. Островского—первый спектакль, в котором был и ее вклад. Очень незначительный, правда. Она завивала волосы статистам, игравшим цыган. Потом поручили са-

Знаете, волнуюсь бесконечно. Попросту нервничаю. А вот взгляну в ее глаза, получу «добро»—и становлюсь уверенным...

В Самаркандской драме стало неписанным законом: перед выходом «на публику» заглянуть в мастерскую Марфы Павловны. Получить ее «добро». Увидеть ее ободряющий взгляд.

К ней вообще любят заходить артисты. Приходят пожаловаться на нелегкие будни. Поделиться радостью удачной премьеры. Чаще всех, конечно, забегают сюда дебютанты. Им не нужно объяснять ей свое состояние. Марфа Павловна сама

178